

О НЕКОТОРЫХ ГЕРМАНО-ИРАНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ

Германо-иранские лексические параллели представляют собой словарные схождения или ареальные изоглоссы германских и иранских языков, возникшие в результате доисторических географических контактов германоязычных и ираноязычных племен¹.

«Под ареальными понимаются такие изоглоссы, которые не возводятся к единому праязыку и возникли в послепраязычный период на почве исторически складывавшихся территориальных общностей»².

В предлагаемой статье рассматриваются некоторые ареальные параллели из сферы лексики германских и иранских языков. Германо-иранские словарные изоглоссы, отразившие временную локальную общность, можно считать новообразованиями, или инновациями. Новшества из сферы лексики двух групп генетически родственных индоевропейских языков, германских и иранских, характеризуются наличием в их словарных гнездах общего корнеслова.

Под корнесловом сравниваемых германских и иранских языков я понимаю содержащийся в их словарных гнездах общий корень — носитель материально-семантической функции, т. е. ту общую часть германо-иранских словарных гнезд, которая на германской или иранской почве представляется нерасчленимой на морфологические элементы: словообразовательные и словоизменительные³. Однако эта общая часть германо-иранских словарных гнезд, для которой устанавливается архетип (или праформа), представляется расчленимой на составные индоевропейские элементы (корень, суффикс, распространитель), если привлечь соответствующий корнеслов других индоевропейских языков и сопоставить его с германо-иранским. При этом под суффиксом я понимаю вслед за К. Аммером индоевропейский элемент, имеющий словообразовательное или словоизменительное значе-

¹ См.: В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 3—147; М. П. Дадашев. Лексические связи германских языков с иранскими. — Уч. зап. 1-го МГПИИЯ им. М. Тореца, т. 29. М., 1965, стр. 323—341.

² В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы, стр. 145—146.

³ Ср. К. Аммер. Studien zur indogermanischen Wurzelstruktur. «Die Sprache», 2, 4. Wien, 1952, стр. 193—196.

ние, а под распространителем — элемент, не несущий внутри германо-иранских корнесловов какой-либо функционально-семантической нагрузки. Термин «распространение» я употребляю, следовательно, не в том смысле, в каком его употребляет Э. Бенвенист, по теории которого в общеиндоевропейскую эпоху один и тот же элемент основы мог выполнять и роль суффикса, и роль распространителя в зависимости от характера огласовки этого элемента ⁴.

Среди общих для германских и иранских языков лексических параллелей можно выделить, во-первых, изоглоссы германо-иранские; во-вторых, изоглоссы германо-индо-иранские, или германо-арийские, т. е. с участием древнеиндийского языка; в-третьих, изоглоссы с участием германского, иранского и еще какого-нибудь или каких-нибудь неарийских языков; в-четвертых, изоглоссы с участием германского, арийского и еще какого-нибудь и.-е. языка. Сравнительно-историческое изучение германо-иранских ареальных изоглосс представляет определенный научный интерес для германистики и индо-иранской филологии. Перейдем к описанию нескольких словарных параллелей германских и иранских языков.

‘Лето, время года’

Германские языки: др.-исл. *sumar* ср. р., *sumarr* м. р. ‘лето’; др.-англ. *sumor* (англ. *summer*), др.-фризск. *sumur*, др.-сакс., др.-в.-нем. *sumar* ‘лето’. Корнеслов германских языков сводится к прагерм. **sum-* в нулевой ступени чередования из и.-е. **sem-/som-/*sm-* ‘лето’ ⁵.

Иранские языки: авест. *ham-* м. р. ‘лето’, *hamina-* ср. р. ‘летнее время’, бактр. *hamino* ‘лето’, ‘зной’, курд. *havîn* ‘лето’, татск. *hæminôn* ‘лето’, ‘летом’ (ср. др.-инд. *sāmā-* ‘полугодие, год, время года’). Др.-иран. **ham-* ‘лето’, ‘сезон’ закономерно соответствует общеперсидск. **sam-*.

Германо-арийское лексическое совпадение со значением ‘лето’ имеет этимологические параллели в армянском и кельтских языках: ср. арм. *am* ‘год’, *amarn* ‘лето’ (**səm̥arom*); др.-ирл. *sam* (*rad*) ‘лето’, др.-кимр. *ham*, брет. *hañw* ‘лето’ ⁶. Это же самое понятие передается в северогерманских, славянских и кельтских языках и.-е. корнем **lēt-*: др.-гутн. *lāpigs* ‘весной’, швед. диал. *lāding*, *lāing* ‘весна’, *i lādigs* ‘прошлой весной’, ст.-слав. лѣто ‘теплое время года’, ‘год’, русск. *лето*; др.-ирл. *la(i)the* ‘день’, галльск. *lat* ‘день’ ⁷. С германо-арийско-армяно-кельтским обозначением понятия ‘лето, время года, год’ корнем **sem-/som-/*sm-*

⁴ См. Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, стр. 178—204.

⁵ Kluge ¹⁵, стр. 715; de Vries, стр. 560.

⁶ Роконну, стр. 905.

⁷ Н. С. Чемоданов. Место германских языков среди других индоевропейских языков. «Сравнительная грамматика германских языков», т. I. М., 1962, стр. 56.

не связаны образования от и.-е. **aidh-* 'жечь (о солнце); палить, сжигать', 'светить, сиять, сверкать', напр. лат. *aestās* ж. р. 'теплое время года, лето', 'летняя жара', *aestūs* м. р. 'жар', 'летний зной, лето' (<и.-е. **aidh-s-t-*). Таким образом, корень **sem-/som-/sm-* в рассмотренных значениях присутствует только в лексике германских, индо-иранских, армянского и кельтских языков.

‘Отвратительный, противный, неприятный, плохой; злой; гнусный, мерзкий и т. д.’

Германские языки: гот. *agls* прилаг. ‘плохой, позорный, постыдный; гнусный, мерзкий’, *agliþa*, *aglō* ж. р. ‘нужда; бедствие; печаль, горе, скорбь’, *us-agljan* ‘притеснять, угнетать’, др.-англ. *eg(e)le* ‘противный, отвратительный; утомительный’, *eglan* ‘причинять боль’, *eglian* ‘находиться в болезненном состоянии’, англ. *ail* ‘болеть, беспокоить; причинять страдание’, ср.-н.-нем. *egelen* ‘причинять боль; навести тоску, горе’.

Для корнеслова германских языков можно установить форму **ag-la-*, которая развивается из и.-е. **agh-lo-* ‘противный, отвратительный, неприятный’⁸, где **agh-* — это и.-е. корневая морфема, а *-l-* выступает как и.-е. суффиксальный элемент.

Иранские языки: авест. *aya* прилаг. ‘плохой, скверный; злой’, *ayā-* ж. р. ‘зло, вред; ущерб’, *ayavant-* прилаг. ‘злобный’⁹. Сюда я отношу также татск. *āyū*, *āyulǎé* ‘яд’, *āyujǎé* ‘ядовитый, противный; злой’.

Авестийско-татские слова наводят на мысль о существовании в праиранской форме **aya-la-*. С др.-иран. **aya-la-* смыкаются индоарийские обозначения: ср. др.-инд. *aghas*, *aghalās* ‘злой; плохой, неприятный’, ср. р. ‘зло, вред; ущерб’, предполагающие наличие в арийском архетипа **agha-la-*.

С точки зрения М. Майрхофера, германо-индо-иранские лексические образования не должны быть древними, о чем свидетельствуют их структурные особенности¹⁰.

За пределами германских и арийских языков привлекают для сравнения следующие слова в кельтских языках: др.-ирл. *ail* ‘позор, стыд’, ср.-ирл. *ālad* ср. р. ‘рана’ (<*agloton), ср.-кимр. *aelu* ‘болезненный’, *aelou* м. р. ‘боль’ (<*aglou)¹¹.

В наличии этимологической связи между германо-арийским совпадением и др.-ирл. *ail* сомневается С. Файст¹².

‘Грусть, скорбь, печаль, обида, огорчение; стыд, стыдливость’

Германские языки: др.-исл. *harmr* м. р. ‘грусть, печаль, обида’; др.-англ. *hearm* (англ. *harm*) ‘боль, печаль, забота’, др.-фризск.

⁸ Рокорну, стр. 8.

⁹ Bartholomae, стр. 47—48.

¹⁰ Mauryhoffer, стр. 19.

¹¹ Рокорну, стр. 8.

¹² Feist, стр. 15.

herm, др.-сакс. *harm*, др.-в.-н. *har(a)m* 'боль, обида; позор', н.-в.-нем. *Harm* м. р. 'грусть, скорбь, печаль, обида'. Все это происходит из германской основы **harma-*, представляющей собой закономерное развитие и.-е. базы **kormo-* 'мучение, боль; стыд, позор'.

Иранские языки: авест. *fšarəta* 'стыд', вост.-осет. (ирон.) *əfsærm*, *əfsarm*, зап.-осет. (диг.) *xəfsarm*, *əfsar* 'стыд, стыдливость, соблюдение приличий', ср.-перс., н.-перс. *šarm*, совр. перс. *šāerm*, тадж. *šarm*, татск. *šāerm*, белудж. *šarm*, курд. *šerm*, афган. *šarm* 'стыд, срам, позор, стыдливость' и т. д. Названные слова из восточноиранских и западноиранских языков В. И. Абаев возводит к общеиранской базе **fšarma-*¹³, представляющей собой, на мой взгляд, первоначально сложное образование **abi-šarma-* или **api-šarma-*, первый компонент которого имел самостоятельное употребление как в индо-иранских, так и в других индоевропейских языках, ср., например: авест. *aibi*, *aiwi*, *aivi*, др.-перс. *abiy* 'к', 'по направлению к чему-либо' // др.-инд. *abhi* (<арийск. *abhi < и.-е. *mbhi) // др.-исл. *um(b)*, др.-в.-нем. *umbi* 'вокруг' // лат. *ambi* 'вокруг' // греч. *αμφί* 'вокруг'; или авест. *airi*, др.-перс. *ariy* 'также, подобным или равным образом', 'у, при, после' // др.-инд. *āri* 'и, даже, также' (<арийск. **ap(h)i* < и.-е. **ep(h)i* // арм. *ev* 'и' // греч. *ἐπί*, *ἐπί* 'в, к, на'¹⁴).

Если только считать, что иранская основа **fšarma-* развивается из праиран. **abi-šarma-/api-šarma-*, то представляется возможным объяснить сохранение в ней в анлауте морфемного элемента *f-*. Начальный звук *f* в общеиранском архетипе **fšarma-* (из предполагаемого **abi-šarma-/api-šarma* < и.-е. **mbhi-kormo-*, **ep(h)i-kormo-*) возник, вероятно, из *-b-/p-* в позиции перед глухим согласным *š* (< и.-е. *k̑*) после редукции или выпадения гласных в двух чередующихся формах первой части рассматриваемого сложного существительного. Следует также сказать, что в двух древнеиранских диалектах, авестийском и древнеперсидском, зафиксированы сложные образования с **abi-/api-* в роли первого компонента, в составе которых он обнаруживает, по-видимому, усилительное значение¹⁵, ср., например: авест. *aipi-awra* 'облачный, пасмурный', *aibi-šarətar* 'превозносить, восхвалять', др.-перс. *abi-šariš* 'пастбищные угодья' и другие.

Если только наше толкование праиран. **fšarma-* верно, то и.-е. базу **kormo-* с основой на тематический гласный в значениях, представленных на почве германских и иранских языков, можно считать общим германо-иранским лексическим новообразованием.

С германо-иранской лексической параллелью сравниваются обозначения понятия 'стыд, срам, позор' в славянских языках,

¹³ Абаев I, стр. 482—483.

¹⁴ Maughofer, стр. 39, 41; R. G. Kent. Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon. New Haven, 1950, стр. 168; Kluge¹⁵, стр. 803; Bartholomae, стр. 82, 83, 87.

¹⁵ Bartholomae, стр. 82—83, 85, 87—90.

ср., например: ст.-слав. *срамъ* (<*sormъ) м. р. 'стыд, срам, позор', др.-русск. *соромъ* 'стыд', совр. русск. *сором* 'срам'¹⁶ и т. д.

К и.-е. **korto-* относится, может быть, еще и ирл. *cron* 'боль, страдание, печаль; несправедливость'¹⁷.

'Теснить, напирать, давить; заставляя; зажатый, сдавленный, стесненный и т. д.'

Германские языки: др.-исл. *þryngva*, *þryngja* сильн. гл. 'напирать, теснить, давить, жать; вынуждать, заставляя'; гот. *þreihan* (герм. *þrinhan) 'теснить, напирать; притеснять, угнетать'; др.-англ. *þringan* 'давить, жать, теснить'; др.-фризск. *þringa*, др.-сакс., др.-в.-н. *þringan* 'теснить, напирать, давить, жать; вынуждать, заставляя'.

Германский корнеслов предполагает наличие в прагерманском двух чередующихся вариантов **þrinh-/þring-*, восходящих к и.-е. глагольному корню **trenk-*.

Иранские языки: с герм. **þrinh-/þring-* соотносится авест. *þrayta* прилаг., адъектив. причастие 'зажатый, сдавленный, уплотненный, стесненный' (<арийск. *trank-ta)¹⁸.

С германо-авестийским соответствием в генетической связи находятся следующие слова в балтийских языках: лит. *trenkiù* 'толкать с шумом', *traĩksmas* 'шум, треск, грохот; суматоха, суетола', лтш. *trīekt(-cu)* 'растолкать; раздавить, размолоть' и т. д.

И.-е. глагольный корень известен, помимо германских, иранских (авестийского) и балтийских языков, еще в кельтском и итальянском, ср. др.-ирл. *di-fo-tracc* 'желать'; лат. *truncus* 'ствол дерева', 'обрубленный; изувеченный, изуродованный'. Однако по значению слов, содержащих общий корень, сближаются только германские, иранские (авестийский) и балтийские языки.

'Борьба, состязание, поединок и т. д.'

Германские языки: др.-исл. *ern* прилаг. 'сильный, крепкий, энергичный' (<герм. *arnia), *jarna* сущ. 'борьба, состязание'; гот. *arniba* нареч. 'безопасно, надежно; твердо, уверенно'; др.-англ. *eornost* ж. р. 'борьба, состязание, поединок; серьезность, пыл, рвение'; ср.-н.-нем. *ernest*, ср.-нидерл. *ernst*, др.-сакс., др.-в.-нем. *ernust* м. р., ж. р., ср. р. 'серьезность; твердость, стойкость, непоколебимость', ср.-в.-нем. *ernest* 'борьба, состязание, серьезность'. В западногерманских языках *-u-st-* является суффиксом с эпентетическим гласным *-u-*¹⁹.

¹⁶ Р о к о г н у, стр. 615; J o h a n n e s s o n, стр. 255—256; Ф а с м е р III, стр. 724.

¹⁷ K l u g e¹⁵, стр. 289.

¹⁸ В a r t h o l o m a e, стр. 801; K l u g e¹⁵, стр. 143; d e V r i e s, стр. 624.

¹⁹ K l u g e¹⁵, стр. 172.

Основа германских слов восходит к прагерм. *arni-, *arnja- 'решительное выступление', т. е. к слову с основой на -ja²⁰, где -n- — это словообразовательный формант. Фр. Мецгер полагает, что др.-в.-нем., др.-сакс. *ernust* принадлежит к основе на -u²¹; в таком случае прагерманская форма для *ernust* была бы *ernu-*.

Прагерм. *arni-, *arnja-, *ernu- можно рассмотреть как производное образование с суффиксом -n-, которое состоит из индоевропейской базы *ernjo-/*ornjo-, *ernu-²², восходящей в свою очередь к и.-е. глагольному корню *er-/*or- 'приводить в движение; возбуждать' в сочетании со словообразовательной морфемой -n-²³.

Иранские языки: Ближайшими этимологическими соответствиями в иранских языках являются авест. *arənav-* м. р. 'борьба, состязание'²⁴ и др.-перс. *ham-arana* 'сражение'²⁵ // ср. др.-инд. *sam-arana-* 'борьба'.

И.-е. глагольный корень *er-/*or-/r- широко распространен в индоевропейских языках, ср. например: лат. *orior* 'подниматься, двигать, возбуждать', др.-инд. *ṛṇōti* 'подниматься, двигаться' и т. д. Но следует сказать, что и.-е. *ernjo-/*ernu- с формантом -n- в значении 'борьба, состязание, поединок' наличествует только в лексике германских и арийских языков.

‘Худой, маленький, малый; незначительный’

Германские языки: н.-в.-нем. *hāger* 'худой, тощий' развивается из др.-герм. *hāg(a)raz (< прагерм. *hah(a)rāz < и.-е. *kak-rós) с озвончением -h- в -g- по закону К. Вернера и дальнейшей стабилизацией ударения на корневом слоге в позднегерманскую эпоху²⁶. И.-е. база *kak-rós образована путем сочетания глагольного корня *kak- 'исхудать' с суффиксом -rós²⁷.

Иранские языки: авест. *kasav-*, *kasu-* прилаг. 'маленький, малый; незначительный', *kasuah* сравн. ст. 'более маленький; более незначительный', *kasišta* превосх. ст. 'самый маленький, самый незначительный', вост.-тег. *kessar* 'маленький', *kessertér* 'более

²⁰ Н. К р а h e. Über *st*-Bildungen in den germ. und idg. Sprachen. — PBB, 71, 2—3, Halle (Saale), 1949, стр. 237—238.

²¹ Фр. М е z g e r. Zugesandte Druckschriften. — KZ 72, 1—2, Göttingen, 1955, стр. 127.

²² Р о k о r n y, стр. 327—328, 331.

²³ d e V r i e s, стр. 105.

²⁴ В а r t h o l o m a e, стр. 196—197; Chr. В а r t h o l o m a e. Beiträge zur Etymologie der germanischen Sprachen. III, 8. Ahd. *ernust*, ags. *eornost*. — ZfdWf, Bd. 6. Straßburg, 1904—1905, стр. 355.

²⁵ R. G. К e n t. Old Persian. New Haven, 1950, стр. 213.

²⁶ См. Э. А. М а к а е в. Понятие общегерманского языка и его периодизация. «Сравнительная грамматика германских языков», т. I. М., 1962, стр. 115.

²⁷ R. Т r a u t m a n n. Germanische Etymologien. — ZfdWf, 7. Straßburg, 1905—1906, стр. 267; К l u g e¹⁵, стр. 280.

маленький', ср.-перс. *kasist*, *kēhist* 'самый маленький, самый незначительный', н.-перс. *kīh* 'маленький'²⁸.

Общеиранский корень **kaś-* возникает из и.-е. **kaĥ-* (<и.-е. **kaĥ-*) с переходом палатализованного *k̥* в *s* на иранской почве.

Для сравнения с германо-иранской лексической изоглоссой привлекают лит. *nikašėti* 'совсем обессилеть'²⁹.

В других индоевропейских языках **kaĥ-* в рассмотренных значениях неизвестен. Так, например, греч. *κακός* 'плохой, безобразный, дурной, злой, неприятный; изношенный' по значению нельзя связать с германо-ирано-балтийским схождением³⁰.

'Еда, наживка, приманка'

Германские языки: др.-исл. *agn* ср. р., н.-исл., фар., н.-норв., н.-дат., н.-швед., *agn* 'приманка, наживка', швед. *agn*, *egna* гл. 'применять что-либо как приманку'. Северогерманское обозначение понятия 'наживка, приманка' предполагает существование позднегерм. **ag-na-* (из прагерм. **ah-nā-/ag-nā-* <и.-е. **eĥ-nó-/oĥ-nó-*, где и.-е. глагольный корень **eĥ-/oĥ-* 'есть' сочетается со словообразовательным формантом *-no-*)³¹.

Иранские языки: на индо-иранской почве отмечаются слова, восходящие как к **eĥ-/oĥ-*, так и к **eĥ-nó/oĥ-nó-*, ср., например: авест. *kahrk-āsa-* сущ. '(сложное) 'коршун', т. е. 'куроед', перс. *āš* 'еда, суп', татск. *āš* 'еда, каша' (вместо ожидаемого перс.-татск. *ās).

В. И. Абаев относит сюда также вост.-осет. (ирон.) *bas*, зап.-осет. (диг.) *basae* 'суп', 'похлебка', пам. язг. *paš*, 'густой компот из абрикосов' из иран. *ura-āsa, где наблюдается сращение приставки осет. *ba-*, и, вероятно, пам. *pa-* (<**ura-*) с корнем **as-* 'есть; вкушать'³². Общеиран. **as-* имеет ближайшее этимологическое соответствие в индоарийском, ср., например: др.-инд. *āśnāti* 'ест, кушает, пожирает', *āšana* 'еда' (из арийск. **as-na-* <и.-е. **oĥ-nó-*).

Данную германо-арийскую изоглоссу можно считать сепаратным лексическим новообразованием, в отличие от общеиндоевропейской базы **ed-*, обозначающей понятие 'есть', ср., например: русск. *еда, есть* 'кушать'; лат. *edō* 'ем', гот. *itan* 'есть', др.-в.-нем. *ezzan*, нем. *essen* 'есть'; др.-прусс. *īst* 'есть', лит. *ėda*, *ėsti* 'есть (о животных)', лтш. *ėda* 'наживка, приманка'; др.-исл. *át* ср. р., *áta* ж. р. 'еда, кушанье'; др.-инд. *ādmi* 'ем', *átti* 'ест'; арм. *utem* 'ем'; греч. *ἔδω* 'ем'³³ и т. д.

²⁸ Bartholomae, стр. 460; H. Hübschmann. *Persische Studien* Straßburg, 1895, стр. 115.

²⁹ Frisk, стр. 758—759.

³⁰ R. Trautmann. *Germanische Etymologien*. — *ZfdWf*, 7. Straßburg, 1905—1906, стр. 267.

³¹ Переход *k > h* объясняется, как известно, законом общегерманского передвижения согласных, а чередование *h/g* — законом К. Вернера.

³² Абаев, стр. 239.

³³ Фасмер I, стр. 8—9, 18.